

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Санкт-Петербургский филиал

Е. И. Кычанов

*КОЧЕВЫЕ
ГОСУДАРСТВА
от ГУННОВ
до МАНЬЧЖУРОВ*

МОСКВА
Издательская фирма
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
1997

ББК 63.3(5)4
К97

Ответственный редактор
С.А.ШКОЛЯР

Редактор издательства
В.С.СВИТКОВА

Кычанов Е.И.

К97 Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. — 319 с.
ISBN 5-02-017415-7

В монографии на доступных, прежде всего китайских, источниках описаны процессы становления форм государственности у ряда народов Центральной Азии, по преимуществу кочевых, Маньчжурии, а также у тибетцев и в государстве Наньчао. Автор приходит к заключению, что у всех вышеназванных народов имели место процессы социального расслоения и классовобразования. Они, как правило, являлись результатом развития самих данных народов и обществ. В монографии рассматриваются легенды о происхождении правящих кланов, характеризуются представления о природе ханской власти как власти, дарованной Небом, описано влияние на государственное устройство народов Центральной Азии государственности китайской. Автор выражает несогласие с рядом характеристик кочевых обществ, имеющих в трудах некоторых исследователей.

ББК 63.3(5)4

© Е.И.Кычанов, 1997
© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 1997

ISBN 5-02-017415-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Замысел этой работы возник у меня довольно давно, в самом начале 70-х годов, когда я писал научно-популярную книгу «Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир». Тогда я обратил внимание на то, что Темучжин, будущий Чингисхан, дважды «устроивал» свой улус — до объединения всей Монголии и после ее объединения в 1206 г. В обоих случаях процедуры «собрания» народа и «устройства» улуса в принципе были одинаковыми, различались лишь количественно, масштабами улуса, а не качественно. Это дало мне повод полагать, что и улусы татаро-монголов XII в. до объединения Монголии в единое государство являлись государствами, о чем мною в мае 1973 г. был сделан доклад «К вопросу об уровне социально-экономического развития татаро-монгольских племен XII в.» на международном симпозиуме «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии» в г.Улан-Баторе.

Проблемы уровня развития кочевых народов остаются не решенными в науке, в том числе и отечественной, и по сей день. В предлагаемом исследовании я не раз касаюсь этих проблем, будучи твердо убежденным в том, что общества кочевников были обществами классовыми и как результат имущественного и классового расслоения этих обществ возникли и кочевые государства. Задача работы и состояла именно в том, чтобы проследить ранние формы государственности в государствах кочевников и в государствах народов, соседствовавших с тогдашним Китаем с рубежа новой эры до XVIII в. Мне хотелось показать, что, возникшая в результате внутреннего развития, каждое из обществ соседних с Китаем народов развило и свои формы ранней государственности, свой механизм управления. Эти формы государственности отчасти потому и были своеобразными, что генетически они связаны с формами (по крайней мере некоторыми формами) первобытнообщинной организации данных обществ, которые являлись самобытными при общей сущности их характера. Не уверен, что во всех случаях мне удалось это показать достаточно наглядно и убедительно, прежде всего из-за ограниченности доступных источников. Однако думается: то, что

сохранилось до наших дней, прежде всего в источниках китайских, свидетельствует о развитии у всех народов Центральной Азии ранней государственности в самобытных и оригинальных формах.

В этих формах на протяжении столетий прослеживается определенная преемственность, особенно у кочевых государств. Можно указать, например, на такие признаки, как военно-административный характер органов управления, необходимость разных форм рассредоточения центральной власти, на отношение к Небу как объекту государственных культов и источнику власти правящего клана и т.п. Я не разделяю мнений о том, что эти государства возникли исключительно под влиянием оседлой цивилизации, в данном случае — китайской, или существовали за счет ее ограбления или поступлений от нее. Конечно, имели место включения в состав некоторых таких государств китайских территорий с китайским населением, ощущалось влияние могущественной китайской государственности, существовавшей тысячелетия. Заимствовались формы китайской государственности особенно в государствах, включавших обширные территории с китайским населением. Государства сяньбийцев Северная Вэй, киданей Ляо, чжурчжэней Цзинь в пору своего расцвета являлись в равной мере как государствами создавших их народов, так и государствами китайскими по многим своим институтам, тем более что большинство их населения составляли китайцы. Но при этом всегда в той или иной форме наличествовал и механизм угнетения и утверждения превосходства завоевателей. А в целом государства соседних с Китаем народов всегда являлись государствами этих народов — гуннов, жуаньжуаней, тюрков, тибетцев и т.д., а не неотъемлемыми частями некоего культурно-территориального исторического единства Чжунго, неизменно существовавшего три тысячи лет.

Мы встречаем со стороны некоторых китайских историков стремление все многонациональное население современного Китая чуть ли не с неолита считать чжунхуа миньцзу — «народами Китая». Все население государств гуннов, сяньбийцев, тибетцев, киданей, чжурчжэней, монголов, по мнению таких историков, «одинаково являлось чжунгожэнь»¹ (людьми Чжунго). Антиисторизм такого подхода очевиден, как очевидно и то, что нельзя считать исторически объективным взгляд на эти государства как на некие «отколовшиеся местные политические власти», а не на самостоятельные государства. Эти теории, появившиеся в китайской исторической науке в 70-х годах, не принимаются всеми китайскими историками без исключения, но они имели и имеют определенную поддержку со стороны официаль-

¹ Тянь Цзичжоу. Во го миньцзу ши яньцзю чжун ды цзыгэ вэньти (Некоторые вопросы изучения истории народностей нашей страны). — Чжунго шаошу миньцзу. 1981, № 5, с.29.

ных властей. Споры нет, история народов, населяющих ныне Китайскую Народную Республику, является составной частью ее истории. Но это не значит, что эти народы и до их вхождения в состав Китая являлись только частью такового и не имели своей самостоятельной истории.

Думается, что предлагаемая читателю работа будет интересна и как систематизированный материал по истории возникновения государств большого региона Азии. Несмотря на успехи науки в изучении истории появления государства, бытования его ранних форм, общая теория не всегда легкоприложима к материалу конкретному, как правило ограниченному. Сам факт рождения государства, ранние стадии его развития особенно трудны для обобщения. Я сознательно не рассматривал в исследовании проблемы военной демократии, теоретически спорной, хотя сведения, касающиеся ухуаней или самых ранних чжурчжэней, могли бы быть интерпретированы и как отношения военной демократии. Мне представляется неприемлемым и перенесение на историю появления государств региона достижений американской социальной антропологии.

Вождизм (чифдом) и присвоенные им функции распределения общественного продукта (реципрокция) — это и есть сложение господствующего класса и приобретение им особого положения в распределении общественного продукта.

Полинезийский и африканский материал отнюдь не свидетельствует о том, что государство возникло раньше классов. Он как раз подтверждает то, что имущественное и классовое расслоение общества порождает новый уровень его организации, новый общественный порядок — государство. Мы в наши дни при нашем многолюдстве привыкли понимать под классами огромные массы людей. Нам непросто представить себе, что несколько десятков вождей-правителей — вождь и члены его рода, несколько сот их прихлебателей, с помощью которых правитель властвует, могли составлять господствующий эксплуататорский класс общества. Зачастую антагонистические классы (правители и рабы, например) были не столь многочисленны, их нередко разделял большой промежуточный слой тех, кто очень условно может именоваться простыми людьми. Слой, тоже не являвшийся однородным и тяготевший к тому или иному полюсу теми или иными своими составными частями.

Однако пропасть между правителями и рабами была существенной. И если она не играла роли как фактор чисто экономического, на что нередко указывают, то эта пропасть имела громадное значение в общественном сознании, была господствующей в идеологии общества. Мы обнаруживаем рабство во всех исследованных нами обществах. Роль рабства в появлении кочевых государств, а также таких государств, как Тибет, Наньчжао, Бохай, нам представляется очевидной. Чтобы удерживать

рабов в состоянии рабской зависимости, мало было одного хозяина-рабовладельца. Нужна была соответствующая система общественных отношений и властная сила (механизм принуждения), которые были бы способны выполнять эту задачу. Такой механизм принуждения воплощается в государстве. Я не настаиваю, разумеется, на своей абсолютной правоте. Споры были, они продолжаются, будем надеяться, что в них когда-нибудь родится истина. Ясно одно, что без учета истории кочевых государств, других государств народов Центральной Азии она была бы неполной.

SUMMARY

E. I. K y c h a n o v . *The Forms of Early Statehood among the Central Asian Peoples*

The author has used available documents, mainly Chinese, to describe how statehood emerged among some Central Asian peoples, mostly nomads, and also in Manchuria, the Tibet and the state of Nanzhao. He concluded that there was social differentiation that went hand in hand with class formation that resulted, in the first place, from the internal development of these peoples and societies. It should be said, however, that contacts with their settled neighbours, especially with China, affected all sides of the nomads' everyday existence. The statehood in Central Asia took on specific forms that for more than one and a half thousand years were conveyed from one people to another, that was especially true of the nomadic societies. These forms were: the state's division into three regions (the center and the left and right wings) accompanied by the decentralization of the bodies of central power, military administration, the decimal system of management, etc. The monograph discusses the legends about the ruling clans' origins, describes the ideas about the nature of the khan's power as given by the Heaven and the impact of the Chinese statehood on Central Asian state systems. The author disagrees with G.Markov and S.Pletneva where some of the specific features of the nomadic societies are concerned.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Гунны	6
Юечжи	38
Скифы	40
Усунь	46
Ухуани	51
Сяньби	54
Тоба	59
Туюйхунь	64
Фукой	68
Чоучи	72
Жуаньжуань	74
Тибет	79
Наньчжао	83
Бохай	89
Тюрки	94
Уйгуры, киргизы	121
Кидани	125
Чжурчжэни	155
Монголы	174
Маньчжуры	207
Джунгарское ханство	237
Халха-монголы (XVII в.)	245
Сакрализация власти	247
Кочевое государство (некоторые предварительные обобщения)	264
Список принятых сокращений	303
Список использованной литературы и источников	304
Summary	318

Научное издание

Кычанов Евгений Иванович
КОЧЕВЬЕ ГОСУДАРСТВА
от ГУННОВ
до МАНЬЧЖУРОВ

*Утверждено к печати
Санкт-Петербургским филиалом
Института востоковедения РАН*

Редактор *В.С.Свиткова*
Младший редактор *Н.В.Бершвили*
Художник *Н.А.Улзытуева*
Художественный редактор *Б.Л.Резников*
Технический редактор *М.Г.Гуцина*
Корректоры *Е.В.Карюкина, Р.Ш.Чемерис*

Изд. лиц. № 020910 от 02.09.94
Сдано в набор 09.07.93
Подписано к печати 24.03.97
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл. п. л. 20,0
Усл. кр.-отг. 20,3. Уч.-изд. л. 22,4
Тираж 750 экз. Изд. № 7539
Зак. № 50. «С»–1

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография РАН
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28